

«ЗАКОН О ПЯТИ КОЛОСКАХ»

Рассматривается практика применения постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Ключевые слова:

Вышинский, колхозное имущество, кража, репрессии, Сталин.

Одним из проявлений сталинской репрессивной политики на селе считается вышедшее 7 августа 1932 года постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», часто именуемое в публицистической литературе «Законом о пяти колосках».

Имелись ли какие-то рациональные основания для принятия этого постановления?

Тогдашнее советское законодательство отличалось крайней мягкостью по отношению к уголовникам. Даже за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами полагалось не более 10 лет лишения свободы [11, с. 70]. Наказания же за кражи были почти символическими. Тайное хищение чужого имущества, совершённое без применения каких-либо технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами, влекло за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до трёх месяцев.

Совершённое повторно, или в отношении имущества, заведомо являющегося необходимым для существования потерпевшего, – лишение свободы на срок до шести месяцев.

Совершённое с применением технических средств или неоднократно, или по предварительному сговору с другими лицами, а равно, хотя и без указанных условий, совершённое на вокзалах, пристанях, пароходах, в вагонах и гостиницах, – лишение свободы на срок до одного года.

Совершённое частным лицом из государственных и общественных складов, вагонов, судов и иных хранилищ или в указанных в предыдущем пункте местах общественного пользования, путём применения технических средств или по сговору с другими лицами или неоднократно, а равно совершённое хотя бы и без указанных условий лицом, имевшим специальный доступ в эти склады или их охраняв-

шим, или во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия, – лишение свободы на срок до двух лет или принудительные работы на срок до одного года.

Совершённое из государственных и общественных складов и хранилищ лицом, имевшим особый доступ в таковые или охранявшим их, путём применения технических средств или неоднократно, или по сговору с другими лицами, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ, при особо крупных размерах похищенного, – лишение свободы на срок до пяти лет. [11, с. 76–77].

Разумеется, столь мягкие приговоры не пугали любителей чужого добра: «Сами воры вызывающе заявляли: “Вы вновь встретитесь со мной через год. Больше вы мне дать не можете”. Один судья рассказал, что некий закоренелый вор, задержанный за совершение одной кражи, признался в совершении за последние месяцы ещё четырёх краж. Когда его спросили о причине сделанного им признания, он заявил, что в любом случае ему присудят только один год!» [10, с. 396]

Впрочем, до поры до времени сверхгуманность советских законов компенсировалась неформальными способами. Составлявшие большинство населения крестьяне испокон веков привыкли защищать своё имущество, не прибегая к помощи официального правосудия.

Однако в результате коллективизации образовался обширный массив общественной собственности. Общее – значит ничьё. Новоиспечённые колхозники, ревностно защищавшие своё имущество, как правило, не горели желанием столь же рьяно заботиться о колхозном добре. Мало того, многие из них и сами норовили украсть то, что плохо лежит.

В письме Л.М. Кагановичу от 20 июля 1932 г. Сталин так аргументировал необходимость принятия нового закона: «За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на железнодорожном

транспорте (расхищают на десятки млн руб.); во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества. Хищения организуются главным образом кулаками (раскулаченными) и другими антисоветскими элементами, которые стремятся расшатать наш новый строй. По закону эти господа рассматриваются как обычные воры, получают два-три года тюрьмы (формальной), а на деле через 6–8 месяцев амнистируются. Подобный режим для этих господ, который нельзя назвать социалистическим, только поощряет их по сути дела настоящую контрреволюционную “работу”. Терпеть такое положение немудрено» [6, с. 115].

Разумеется, воровство должно караться. Однако меры наказания, предусмотренные Постановлением от 7 августа 1932 г., выглядят чрезмерно суровыми (сам Сталин в цитированном выше письме назвал их «драконовскими»). Если исходить из буквы Постановления, основной мерой наказания за хищение грузов на транспорте, равно как и за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества должен был стать расстрел с конфискацией имущества, и лишь при наличии смягчающих обстоятельств – 10 лет заключения [7].

Как же обстояло дело на практике? Итоги применения закона с момента его издания по 1 января 1933 г. по РСФСР выглядят следующим образом: к высшей мере было приговорено 3,5% осуждённых, к 10 годам лишения свободы – 60,3%, и ниже 36,2% [1, с. 2]. Из числа последних 80% осуждённых получили приговоры, не связанные с лишением свободы [10, с. 111].

Следует отметить, что далеко не все приговоры к высшей мере приводились в исполнение: к 1 января 1933 г. общие суды в РСФСР вынесли 2686 смертных приговоров по Постановлению от 7 августа. Кроме того, на РСФСР приходится изрядная часть приговоров, вынесенных линейными транспортными судами (812 смертных приговоров в целом по СССР) и военными трибуналами (208 приговоров по СССР) [10, с. 139]. Однако Верховный суд РСФСР пересмотрел почти половину этих приговоров. Ещё больше оправданий вынес Президиум ЦИК. По данным наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко, на 1 января 1933 г. общее количество людей, казнённых по закону от 7 августа на территории РСФСР, не превысило тысячи человек [10, с. 112].

17 ноября 1932 года Коллегия наркомата юстиции РСФСР приняла решение ограничить применение статьи 51 УК

РСФСР, разрешавшей выносить приговоры **ниже нижнего предела**, предусмотренного законом за совершение данного преступления. Отныне право применения ст. 51 было предоставлено лишь краевым и областным судам. Народные суды в тех случаях, когда они считали нужным смягчить меру наказания ниже предела, должны были ставить об этом вопрос перед областным или краевым судом [1, с. 2].

В то же время Коллегия указала, что в каждом отдельном случае привлечения трудящегося за мелкие хищения надо подходить дифференцированно и при особо исключительных обстоятельствах (нужда, многосемейность, незначительное количество похищенного, отсутствие массовости подобных хищений) дела могли прекращаться в порядке примечания к ст. 6 УК РСФСР [1, с. 2].

Ограничение на применение 51-й статьи, а особенно состоявшийся 7–12 января 1933 года объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) заставили судей проявлять большую суровость. В результате по РСФСР из осуждённых по Закону от 7 августа с 1 января по 1 мая 1933 года высшую меру получили 5,4%, 10 лет лишения свободы – 84,5%, более мягкие наказания – 10,1% [1, с. 2]. Тем не менее, доля смертных приговоров всё равно оставалась очень низкой.

Кто же попадал под карающую длань Закона от 7 августа? «Три крестьянина, из коих двое по данным обвинительного заключения, кулаки, а по представленным им справкам – не кулаки, а середняки – взяли на целые сутки колхозную лодку и уехали на рыбную ловлю. И за это самовольное пользование колхозной лодкой применили декрет 7 августа, присудили к очень серьёзной мере наказания. Или другой случай, когда по декрету 7 августа была осуждена целая семья за то, что занималась ужением рыбы из реки, протекавшей мимо колхоза. Или третий случай, когда один парень был осуждён по декрету 7 августа за то, что он ночью, как говорится в приговоре, баловался в овине с девушками и причинил этим беспокойство колхозному поросёнку. Мудрый судья знал, конечно, что колхозный поросёнок является частью колхозной собственности, а колхозная собственность священна и неприкосновенна. Следовательно, рассудил этот мудрец, нужно применить декрет 7 августа и осудить “за беспокойство” к 10 годам лишения свободы.

Мы имеем приговоры с очень серьёзными мерами социальной защиты за то, что

кто-то ударил камнем колхозного поросёнка (опять-таки поросёнок), причинил ему некоторое телесное повреждение: применён декрет 7 августа как за посягательство на общественную собственность» [3, с. 102–103].

Эти факты приводит в своей брошюре знаменитый сталинский прокурор А.Я. Вышинский. Однако тут же делает важное добавление: «Правда, эти приговоры неуклонно отменяются, сами судьи неуклонно со своих должностей снимаются, но всё-таки это характеризует уровень политического понимания, политический кругозор тех людей, которые могут выносить такого рода приговоры» [3, с. 103].

А вот ещё целый ряд похожих примеров. «Учётчик колхоза Алексеенко за небрежное отношение к с.-х. инвентарю, что выразилось в частичном оставлении инвентаря после ремонта под открытым небом, приговорён нарсудом по закону 7/VIII 1932 г. к 10 г. л/с. При этом по делу совершенно не установлено, чтобы инвентарь получил полную или частичную негодность (д. нарсуда Каменского р. № 1169 18/II–33 г.)...

Колхозник Лазуткин, работая в колхозе в качестве воловщика, во время уборки выпустил быков на улицу. Один вол поскользнулся и сломал себе ногу, вследствие чего по распоряжению правления был прирезан. Нарсуд Каменского р-на 20/II 1933 г. приговорил Лазуткина по закону 7/VIII к 10 г. л/с.

Служитель религиозного культа Помазков, 78 л., поднялся на колокольню для того, чтобы смести снег, и обнаружил там 2 мешка кукурузы, о чём немедленно заявил в сельсовет. Последний направил для проверки людей, которые обнаружили ещё мешок пшеницы. Нарсуд Каменского р-на 8/II 1933 г. приговорил Помазкова по закону 7/VIII к 10 г. л/с.

Колхозник Камбулов нарсудом Каменского р-на 6/IV 1933 г. приговорён по закону 7/VIII к 10 г. л/с за то, что он (будучи зав. амбарами колхоза “Бедняк”) занимался якобы обвешиванием колхозников, вследствие чего летучей ревизией обнаружен в одном амбаре излишек зерна в 375 кило. Нарсуд не принял во внимание заявления Камбулова о проверке других амбаров, так как по его утверждению вследствие неправильного списания должен быть недостаток того же количества зерна в другом амбаре. Уже после осуждения Камбулова его показание получило подтверждение, так как это зерно было заприходовано на

другой амбар, и там оказалась недостача 375 кг...

Нарсуд 3 уч. Шахтинского, ныне Каменского, р-на 31/III 1933 г. приговорил колхозника Овчарова за то, что “последний набрал горсть зерна и покушал ввиду того, что был сильно голоден и истощал и не имел силы работать”... по ст. 162 УК к 2 г. л/с.» [8, с. 4–5].

Каждый из этих фактов мог бы стать прекрасным поводом для обличения «преступлений сталинского режима», если бы не маленькая деталь – все эти нелепые приговоры были немедленно пересмотрены.

Осуждение «за колоски» было не нормой, а **беззаконием**:

«С другой стороны, от каждого работника юстиции требовалось не допускать применения закона в тех случаях, когда его применение приводило бы к дискредитации его: в случаях хищения в крайне незначительных размерах или при исключительно тяжёлой материальной нужде расхитителя» [2, с. 2].

Однако не зря говорят: «Заставь дурака богу молиться – он и лоб расшибёт!» Низкий уровень юридической грамотности местных кадров вкупе с излишним рвением приводили к массовым «перегибам». Как сказал по этому поводу А.Я. Вышинский, «здесь можно говорить о “левацком” извращении, когда под классового врага стали подводить всякого, совершившего мелкую кражу» [3, с. 102].

С перегибами боролись, в частности, требуя применять к незначительным кражам статью 162 УК РСФСР, которая, как мы помним, предусматривала гораздо менее строгое наказание:

«В целом ряде случаев закон неосновательно применялся к трудящимся, совершившим хищения либо в незначительных размерах, либо по нужде. Вот почему было указано на необходимость применения ст.162 и других статей УК в этих случаях» [2, с. 2].

Подобные судебные ошибки, как правило, тут же исправлялись:

«По данным, зафиксированным в особом постановлении Коллегии НКЮ, число отменённых приговоров в период времени с 7 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. составило от 50 до 60%» [3, с. 100].

Но среди осуждённых по Закону от 7 августа встречались и матёрые расхитители.

Из записки зам. председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьева и начальника Экономического отдела ОГПУ Л.Г. Миронова на имя И.В. Сталина от 20 марта 1933 года:

«Из дел о хищениях, раскрытых ОГПУ за отчётные две недели, обращают на себя внимание крупные хищения хлеба, имевшие место в Ростове-на-Дону. Хищениями была охвачена вся система Ростпрохлебокомбината: хлебозавод, 2 мельницы, 2 пекарни и 33 магазина, из которых хлеб продавался населению. Расхищено свыше 6 тыс. пуд, хлеба, 1 тыс. пуд, сахара, 500 пуд, отрубей и др. продукты. Хищениями способствовало отсутствие чёткой постановки отчётности и контроля, а также преступная семейственность и спайка служащих. Общественный рабочий контроль, прикрепленный к хлебной торговой сети, не оправдал своего назначения. Во всех установленных случаях хищений контролёры являлись соучастниками, скрепляя своими подписями заведомо фиктивные акты на недовоз хлеба, на списание усушки и на развес и т.п. По делу арестовано 54 человека, из них 5 членов ВКП(б).

...
В Таганрогском отделении Союзтранса ликвидирована организация в составе 62 шофёров, грузчиков и портовых служащих, среди которых выявлено значительное количество быв. кулаков, торговцев, а также преступного элемента. Организация при перевозках похищала в дороге грузы, перевозившиеся из порта. О размерах хищений можно судить по тому, что только зерна и муки расхищено около 1500 пудов» [9, с. 417–418].

«6 тысяч пудов хлеба... 1500 пудов зерна и муки...» Это не «колоски».

Строгие меры принесли плоды. Так, на транспорте хищения сократились с 9332 случаев по всей сети в августе 1932 года до 2514 случаев в июне 1933 года [2, с. 1]. Снизилась и кража колхозной собственности. ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8 мая 1933 года издают совместную инструкцию «О прекращении применения массовых выселений и острых форм репрессий в деревне».

«Это постановление означает коренное изменение всей карательной политики судебных органов. Оно требует перенесения центра тяжести на массовую политическую и организационную работу и подчёркивает необходимость более меткого, более чёткого, более организованного удара по классовому врагу, так как прежние методы борьбы себя изжили и в нынешней обстановке не годятся.

Директива означает прекращение, как правило, массовых и острых форм репрессий в связи с окончательной победой колхозного строя в деревне. Новыми ме-

тодами в новой обстановке должна проводиться “политика революционного принуждения” [1, с. 2].

Использование Закона от 7 августа 1932 года резко сокращается (см. табл. 1). Отныне он должен был применяться только для наиболее серьёзных, крупномасштабных фактов хищений.

Таблица 1

Количество осуждённых по Закону от 7 августа 1932 года общими судами РСФСР: [10, с. 141]

Год	Осуждённых
1932	22347
1933, I полугодие	69523
1933, II полугодие	33865
1934, I полугодие	19120
1934, II полугодие	17609
1935, I полугодие	6706
1935, II полугодие	6119
1936	4262
1937	1177
1938	858
1939	241
1940	346

Аналогичная картина наблюдалась и на Украине. Количество осуждённых по Закону от 7 августа 1932 года общими судами Украинской ССР составило:

1933 – 12 767

1934 – 2757

1935 – 730 человек [10, с. 142].

Мало того, в январе 1936 года началась реабилитация осуждённых по этому закону согласно Постановлению №36/78 ЦИК и СНК СССР от 16 января 1936 года «О проверке дел лиц, осуждённых на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности”» [4].

В результате количество осуждённых за расхищение социалистической собственности по закону от 7 августа, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), в течение 1936 года уменьшилось почти втрое (см. табл. 2).

Таким образом, задача Постановления от 7 августа 1932 года состояла не в том, чтобы посадить и расстрелять как можно больше народа, а в том, чтобы резким ужес-

Количество заключённых ИТЛ, осуждённых по закону от 7 августа 1932 года [5]

Год	Заключённых на 1 января
1934	93 284
1935	123 913
1936	118 860
1937	44 409
1938	33 876
1939	27 661
1940	25 544
1941	22 441

точением мер ответственности защитить социалистическую собственность от расхитителей. На начальном этапе применения Постановления от 7 августа, особенно в первом полугодии 1933 года, имели место массовые перегибы на местах, которые, впрочем, исправлялись вышестоящими инстанциями. При этом, в соответствии со старой российской традицией, суровость закона компенсировалась необязательностью его исполнения: вопреки грозным формулировкам, смертная казнь применялась довольно редко, а большая часть из осуждённых на 10 лет была реабилитирована в 1936 году.

Список литературы:

- [1] Ботвинник С. Органы юстиции в борьбе за проведение закона от 7 августа // Советская юстиция. – 1934, сентябрь. – № 24.
- [2] Булат И. Год борьбы за охрану социалистической собственности // Советская юстиция. – 1933, август. – № 15.
- [3] Вышинский А.Я. Революционная законность на современном этапе. Изд. 2-е, перераб. – М., 1933. – 110 с.
- [4] ГАРФ. Ф.Р–8131. Оп.38. Д.11. Л.24–25.
- [5] ГАРФ. Ф.Р–9414. Оп.1. Д.1155. Л.5.
- [6] Зеленин И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1998. – № 1.
- [7] Известия. – 1932, 8 августа. – № 218(4788). – С.1.
- [8] Лисицын, Петров. По нарсудам Северодонского округа // Советская юстиция. – 1934, сентябрь. – № 24.
- [9] Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. – 912 с.
- [10] Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. – М., 1998. – 464 с.
- [11] Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 15 октября 1936 г. с приложением постановочно-систематизированных материалов. – М., 1936. – 214 с.